

УДК 811.161.1'373.612

doi 10.17072/2037-6681-2016-4-31-39

ВОКРУГ РУССКОГО *МЫТАРЬ*: О РАЗВИТИИ СЕМАНТИКИ СЛОВА И ЕГО СИСТЕМНЫХ СВЯЗЯХ В РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЯЗЫКА¹

Валерия Станиславовна Кучко

аспирант, лаборант топонимической лаборатории

кафедры русского языка и общего языкознания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,

620000, г. Екатеринбург, просп. Ленина, 51. kuchko@inbox.ru

научный сотрудник

Российский государственный профессионально-педагогический университет

620012, г. Екатеринбург, Машиностроителей, 11

В центре внимания автора статьи находится семантика слова *мытарь* – ‘сборщик налогов в Древней Иудее, сборщик пошлин в Древней Руси’ – и его семантических и словообразовательных дериватов. Прослеживается история развития семантики слова в русском литературном языке, унаследовавшем его из церковнославянского. С опорой на контекстный анализ у лексемы отмечается не фиксируемое в современных лексикографических источниках новейшее значение – ‘работник налоговой службы’, практически лишенное отрицательных коннотаций. Рассматривается спектр значений, которые слова с основой *мытар-* развивают в русских народных говорах. Осуществляется попытка установить логику семантического развития внутри рассматриваемого гнезда. Выявляются формальные и семантические связи слов с основой *мытар-* с другими лексемами в диалектной языковой среде, в частности, с дериватами корней *мот-*, *мут-*, *мыт-*, а также с продолжениями родственного изучаемому слову *мыто* ‘пошлина’. Делается вывод о формировании морфосемантического поля, внутри которого трудно однозначно установить происхождение конкретной языковой единицы от того или иного корня.

Ключевые слова: русская диалектная лексикология; историческая лексикология; семантика; контаминация; словообразовательное гнездо; морфосемантическое поле.

Слово *мытарь* в русском языке известно в значении ‘сборщик налогов, податей (*мыта*)’; причем под *мытарем* понимается как откупщик в Древней Иудее, и в этом случае слово отсылает нас к библейскому тексту (ср. хотя бы новозаветную притчу о мытаре и фарисее, текст которой приводится в Евангелии от Луки), так и сборщик пошлин в Древней Руси (за проезд по определенной территории, пользование переправами и под.). Это слово и его производные формируют в русском языке семантико-словообразовательное гнездо, привлекающее к себе внимание многообразием смысловых линий, вдоль которых оно строится, и их взаимодействием. На протяжении разных периодов истории гнезда в нем актуализируются различные семантические участки. Одни из них исчезают на новых этапах развития слов, другие, наоборот, появляются. Выход на первый план тех или иных смыслов

зависит и от того, в каком языковом пласте они функционируют – в литературном языке, просторечной среде или народных говорах. Особенно интересной нам кажется семантическая жизнь *мытаря* в диалектах: большое число питающих ее стимулов делает языковой образ мытаря многоликим (подчас неузнаваемым с позиции книжного языка), а его деривационное гнездо – средоточием самых разных смыслов. В их формировании начинают участвовать гнезда других, близких по звучанию, корней. Таким образом, *мытарь* вовлекается в морфосемантическое поле, образованное несколькими гнездами, и сам начинает влиять на семантическое развитие входящих в это поле гнезд. Однако, так как рассматриваемое слово имеет книжное происхождение, уместным представляется сначала дать обзор его литературных значений, после чего обратиться к диалектной семантике.

1. Мытарь в русском литературном языке

Слово *мытарь* ‘сборщик податей’ является общеславянским и представлено во всех группах славянских языков, см.: [ЭССЯ 21: 74]. Вопрос о его этимологии имеет два возможных решения: оно трактуется и как общеславянское заимствование из древневерхненемецкого *mūtâri* ‘то же’, и как славянское новообразование, возникшее в праславянский период с помощью суффикса *-arь* из общеславянского **mytь / *myto* ‘пошлина’, восходящего к древневерхненемецкому *mûta* ‘то же’. Обе версии как альтернативные излагаются, в частности: [Фасмер 3: 25; ЭСРЯ 10: 382; ESJS 9: 511], причем в ESJS высказано замечание о том, что предпочесть ту или другую затруднительно, а в ЭСРЯ более популярным признается предположение о заимствовании. Как производное от **mytь / *myto* слово трактуется в источниках: [ЭССЯ 21: 74; Orel 2: 725].

В старославянском языке значение ‘сборщик податей’ отмечается как единственное; в памятниках письменности слово служит соответствием греческому *τελώνης* [ССЯ 2: 249; Цейтлин 1994: 337]. В древнерусском языке, наследующем слово в этом значении (см.: [Срезневский 2: 218]), оно функционирует и как церковно-книжное (относясь к библейскому дискурсу), и как обиходное, ср. *мытарь* ‘сборщик податей, откупщик в Древней Иудее’, ‘сборщик налога, пошлины за проезд и провоз товаров в Древней Руси’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335]². От этого слова образуется несколько лексем, описывающих ситуацию таможенных сборов, ср. *мытарство* ‘сбор податей, пошлин’ [ССЯ 2: 240], ‘место сбора пошлин (то же, что *мытница*)’, ‘пошлина’ [Дьяченко 1899: 322]; *мытарница* ‘место сбора пошлин’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335] и др.

Мытарь – обозначение по роду занятий – имеет предпосылки для формирования других семантических линий внутри гнезда его дериватов, в том числе культурно-исторические, которые состоят в том, что «библейская» семантика не является нейтральной: она включает культурные коннотации, связанные с историческим контекстом. Приведем пояснение, которым Г. Дьяченко сопроводил слово в своем «Церковнославянском словаре»: «Мытари пользовались большой ненавистью у своего народа, хотя были иудеи. Их уравнивали с язычниками и прелюбодееми и смотрели на них, как на великих грешников. Талмуд повелевает иудея, сделавшегося сборщиком податей, отлучать от того религиозного общества, к которому он принадлежал. Мытари должны были строить таможи, собирать подати, быть таким образом римскими экзекуторами, и поэтому они презирались своими соотечественниками, как лица, отнимавшие у них собственные их богатства, деньги, свободу» [Дьяченко 1899: 322]. В контекстах, приводимых словарями, *мытарь* нередко упоминается в одном ряду с теми, чья деятельность или образ жизни оцениваются резко отрицательно, ср., к примеру: «Аще же и о цръкви неродити начьнетъ, да бждеть ти ѧко ѧзычъникъ и мытарь» (Остромирово евангелие), «ѧко блудницу и разбоиника и мытаря помиловаль ѧси, тако и на грѣшны помилуи» (Почуение Владимира Мономаха) [Срезневский 2: 218].

Восприятие мытаря как притеснителя, занимающегося нечестивым делом и мучающего других, питает круг значений, связанных с идеей страдания. В древнерусском языке эти смыслы не выходят за рамки церковного учения о посмертных мытарствах души, ср. *мытарство* ‘различные состояния, через которые проходит душа после смерти человека’ [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335], очевидно, возникшее на базе *мытарство* ‘место притеснения’ (фиксируемое только в словаре: [Дьяченко 1899: 322]) ← ‘место сбора податей’. Однако в XVIII в. слово в значении ‘страдание, мучение’ употребляется уже в бытовых контекстах: «Ну уж поход мнѣ выдался! сущее здѣсь знать мытарство» (реплика героя комедии, написанной в 1788 г.) [СлРЯ XVIII в. 13: 100].

Еще одна семантическая линия, разрабатываемая в гнезде лексемы *мытарь*, связана с обманом. «Обманные» коннотации слова *мытарь* фиксируются в языке XVIII в., ср. *мытарь* ‘кто через разные обманы, разными оборотами снискивает, достает что-нибудь’ [САР 4: 555], ‘тот, кто обманом добывает, достает что-л.’ [СлРЯ XVIII в. 13: 100]. Как видно, имеется в виду мошенничество, обман, связанный с нечестным денежным оборотом или нечестным приобретением материальных ценностей. Оба источника уточняют, что слово в этом значении является просторечным. Кроме того, в словарях языка XVIII в. появляются не отмечаемые прежде глагольные дериваты слова *мытарь* в его обманно-денежном смысле: *мытарю* ‘в просторечии: несправедливо поступаю, обманываю’, *промытарить*, *размытарить* ‘в просторечии значит распутно, мотовски расточить что’ [САР 4: 356], *мытарить* простореч. ‘обманывать, плутовать’, ‘тратить попусту’ [СлРЯ XVIII в. 13: 99–100]. Таким образом, в процессе внутригнездового словопроизводства в просторечной среде языковые факты закрепили семантику растраты и мотовства, а семантика обмана была расширена, утратив обязательную связь с денежным мошенничеством.

Словари современного литературного языка фиксируют слово *мытарь* лишь в своем историческом значении (‘в церковных текстах – сбор-

щик податей, откупщик в Иудее, сборщик мыта в Древней Руси' [Ефремова 2000; ССРЛЯ 6: 1427]; 'в библейских сказаниях – сборщик податей в Иудее' [Шведова 2007: 469]). Как обсуждалось выше, это значение имеет устойчивые культурные коннотации. Тем не менее можно говорить о новейшем употреблении лексемы *мытарь* в значении 'таможенник, налоговый инспектор'. Приведем несколько контекстов из НКРЯ, которые датируются XXI в.: «Международных рейсов из Питера почти нет, таможенники подняли головы, но сил разомкнуть веки не нашли. *Мытари* ненавидели все виды багажа и само это слово» (В. Солдатенко, 2010) [НКРЯ]; «Упрощать информирование граждан *мытари* намерены, отказываясь от большого количества авансовых платежей и документов с предварительными расчетами. Проблемы, по словам главного налогового, возникают в связи с правилами муниципальных образований по исчислению авансовых платежей» (М. Селиванова, 2009) [НКРЯ]; «Еще через год – Букаев становится министром России по налогам и сборам. <...> Предшественник Букаева – А. Починок – на прощальной министерской коллегии не скрывал своего изумления. Тем более, что Починок за время пребывания Букаева в должности главного московского *мытаря* успел вклеить ему два выговора, в том числе – строгий» (Ю. Сергеева, 2004) [НКРЯ]. В двух из выбранных предложений присутствуют контекстные синонимы изучаемой лексемы – это, соответственно, *таможенник* и *налоговик*. Контексты подобного рода, кажется, свободны от выраженной иронической окраски. Следы отрицательных коннотаций *мытаря* в них возможны, но все же чувствуется тенденция к их стиранию или даже утрате. Такая тенденция представляется вполне закономерной с точки зрения истории слова: лексема *мытарь*, как говорилось выше, в древнерусском языке могла употребляться в «профессиональном» значении 'сборщик пошлыны за проезд и провоз товаров' вне библейского контекста: «При сем корчемники и мытаря и торжняя тамги (вид пошлыны. – В. К.) истребишася» (1399 г., Симеоновская летопись) [СлРЯ XI–XVII вв. 9: 335].

2. *Мытарь* в языковой системе русских говоров

В пространстве говоров обнаруживается значительное число лексем, в составе которых можно выделить основу *мытар-*. Эти слова, с одной стороны, формируют обширное семантико-словообразовательное гнездо, сохраняющее и развивающее основные смыслы, присущие «литературному» *мытарю*. С другой стороны, при попадании в диалектную языковую среду «мытарные» слова начинают функционировать в

значительном отрыве от культурного прецедента – библейского текста, поэтому культурные коннотации перестают действовать как фактор, сдерживающий развитие их семантики. Начинают действовать собственно языковые законы, включающие лексемы с основой *мытар-* в разнообразных (формальные и смысловые) связи с рядом слов иного происхождения. Благодаря этому формируется морфосемантическое поле, в котором *мытарь* и его дериваты являются только одной из составляющих это поле частей.

Мытарь, будучи «культурным» словом, унаследованным русским языком из церковнославянского, в смысле описанного выше механизма активной семантической деривации и участия в контаминационных процессах, который запускается при его попадании в диалектную языковую среду, может сравниваться с другими попавшими в говоры лексемами библейской традиции. В частности, принцип действия этого механизма по отношению к библейским антропонимам, функционирующим в русских говорах, подробно описан И. В. Родионовой: в своей кандидатской диссертации она многократно подтверждает мысль о неизбежной деактуализации в диалектной среде стоящего за агнионимом прецедентного содержания и частотных фактах, когда дальнейшая формально-семантическая деривация внутри гнезда направляется влиянием других языковых гнезд, см.: [Родионова 2000].

Ниже диалектный материал будет подан в двух подразделах. В подразд. 2.1 представлена семантическая характеристика русских диалектных слов с основой *мытар-*, которые, как кажется, являются первичными образованиями гнезда лексемы *мытарь*. Эти слова могут испытывать притяжение к другим фонетически сходным единицам, однако на их первичность указывает как формальный признак (возможность выделить у них основу *мытар-* в неизменном виде), так и семантический (их объяснимая семантическая «выводимость» внутри гнезда). В подразд. 2.2 указаны слова, образовавшиеся в рамках гнезд других корней, которые испытали вторичное влияние со стороны лексем с основой *мытар-*.

Первичность или вторичность образований внутри гнезда *мытар-* бывает сложно определить однозначно. В частности, в подразд. 2.1 будет рассмотрен ряд глаголов, имеющих параллельную форму с гласной *у* (*мутар-*). Включение видоизмененной основы *мы* допустили ввиду того, что формы с такой основой являются параллельными формам с основой *мытар-*, причем последние вполне могут принадлежать «мытарному» гнезду с точки зрения семантики, кроме того, эти глаголы функционируют в системе одного – псковского – говора.

2.1. Слова с основной *мытар-*

В говорах, как и в литературном языке, разрабатывается семантика страданий, мучений, испытаний. Однако, в отличие от литературного языка, где под мытарствами подразумеваются скорее нравственные страдания, акцент сделан на физических муках, ср. пск. *мытарить* / *мутарить*³ ‘причинять физические страдания’: «Мужик и на людях мытарить мяня», пск. *мытариться* / *мутариться* ‘страдать от какой-н. болезни, боли’, ‘ходить до изнеможения’ [ПОС 19: 134]. Об этом свидетельствуют и контексты, нередко рисуемые ситуации физических неудобств или даже издевательств, ср. смол. «В лясу кьмары цельный день мяне мьторили» [ССГ 6: 119], новг. «Пьё и над маткой мытарится», новг. «Мытарь, а не человек, издевается над бабой и ребятами» [НОС: 577]. Наблюдается нехарактерная для литературного языка поляризация значений: *мытарем* называется не только истязатель, но и сам мученик (новг. *мытарь* ‘тот, кто перенес муки, испытания’: «Да, посмотришь на беднягу Иваныча, ну уж настоящий он мытарь»), и даже, вопреки отрицательному образу библейского мытаря-грешника, святой (новг. *мытарь* ‘святой, подвергшийся мучениям за веру’: «Мытарь молился Богу, он святой»⁴ [НОС: 577]).

Парадоксальным в свете «мученических» смыслов кажется ср.-урал. *мытарить* ‘усиленно ухаживать за кем-л., обхаживать’: «Гляжу, шибко мытарят меня», «Уж меня мытарили, как дочь» [ДСРГСУ: 313]. Своеобразный семантический «мостик» к этому значению помогает перекинуть другой глагол изучаемого гнезда – вят. *мытариться*: «Он долго с ней мытарился, а не женился, помытарились и всё» [ОСВГ 6: 110]. Он снабжен определением ‘дружить, общаться’, однако словарный контекст позволяет заключить, что семантика совместной траты времени здесь важнее, чем идея дружбы. В случаях значений ‘издеваться над кем-л.’, ‘усиленно ухаживать за кем-л.’ и ‘совместно проводить время’ мы имеем дело с разными поворотами идеи взаимодействия кого-либо с кем-либо в течение некоторого времени (с отрицательным, положительным и нулевым результатом соответственно).

Особый случай страданий, выпадающих на чью-либо долю, – мучительная, непосильная работа: ср.-урал. *мытарь* ‘батрак’: «Мы с мужиком работали как мытари» [СРГСУ 2: 150], без указ. места *мытарь* ‘о человеке, много работающем, но мало получающем за труд’ [СРНГ 19: 64], пск. *мытарить* ‘много, до изнеможения работать’: «Там в Гирмании я и мытарил на фабрике» [ПОС 19: 133], влад., тул. *замытариться* ‘захлопотаться, замучиться в хлопотах’: «Ноньче

даже не присела, совсем замытарилась по хозяйству» [СРНГ 10: 271].

Церковное учение о хождениях души по мытарствам в литературном языке отразилось в особом значении лексемы *мытарства* ‘мучительные скитания’; говоры же расширили эту область семантически и словообразовательно, ср. появление в диалектах семантики бродяжничества – костр., новг., рус. одес. *мытарь* ‘бродяга, бездомный человек без определенных занятий’ [Ганцовская; НОС: 577; СРГО 1: 312], а также глагольную вариативность – морд. *мытарить* ‘скитаться, переезжать’ [СРГМ 1: 550; СРНГ 19: 63], прииртыш. *мытариться* ‘скитаться, бродить’ [СРСГСП 2: 145], перм. *мытарствовать* ‘быть паломником’ [СПГ 1: 533]. Представляется, что влад. *мытарный* ‘обладающий опытом’ [СРНГ 19: 64], а также приставочное енис. *намытарь* ‘человек, до тонкости знающий свое дело, мастер’ [СРНГ 20: 45] возникли как продолжения смыслов частого перемещения: «опытный» может интерпретироваться как «бывший в разных местах», «много повидавший».

Семантика перемещения, активного движения может «освобождаться» от идеи скитания, ср. смол. *мытарь* ‘непоседливый человек’ [ССГ 6: 124], без указ. места *мытарить* ‘тормозить’ [Даль 2: 957], пск. *мытарить* / *мутарить* ‘суеливо бегать взад и вперед’ [ПОС 19: 133].

Идея беспорядочного движения переводится в этический план, ср. тюмен., тобол. *мытарь* ‘о легкомысленном, беспутном, разгульном человеке’ [СРНГ 19: 64], вят., орл. *мытарная девка* ‘гулящая’ [ОСВГ 6: 110; СРНГ 19: 64].

В говорах подробно разрабатываются «денежные» смыслы. Сохраняется и расширяется ушедшая из литературного языка семантика мотовства – ср. олон., петерб., брян., перм., урал. *мытарь* ‘мот, расточитель’ [СРНГ 19: 64], влад., яросл., тамб., тул., вят., оренб., перм. *мытарить* яросл. ‘нерасчетливо тратить средства, мотать’ [Малеча 2: 459; ОСВГ 6: 110; СРНГ 19: 63; ЯОС 6: 71]. Идея расхода денег доводится до логического предела – семантики нужды, бедности: ряз., олон. *мытарить* ‘жить в нужде, бедствовать’ [СРНГ 19: 63], оренб. *мытариться* ‘бедствовать, обивать пороги’ [Малеча 2: 459], влг. *замытарить* ‘впасть в бедность’ [СРНГ 10: 271].

Растрачивается, как правило, чужое состояние («Што мытаришь женино-то добро?» [Малеча 2: 459], «Досыть ему буде мутарить чужое богатство» [СРНГ 19: 63] и под.), что отражается в пск., твер. *мытарить*, *мытарствовать* ‘жить за чужой счет’ [ПОС 19: 134; СРНГ 19: 64], без указ. места *мытарничать* ‘то же’ [Даль 2: 957]. Номинируются другие способы нечестного обращения с чужим имуществом – вымо-

гательство (новг. *мытарь* 'вымогатель': «Ты мытарь, наживаешься за счёт моих кровных копеек» [НОС: 577]) и отказ возвратить чужое (влг., ворон., смол. *замытарить* 'присвоить чужое, зажилить': «Он замытарил мою книжку» [СРНГ 10: 271]).

В русле «имущественной» линии актуализируется идея утраты чего-либо разными путями (потери, продажи, разрушения): ворон., пск. *замытарить* 'потерять, запрятать, засунуть что-либо' [СРНГ 10: 270], перм., свердл. *размытарить* 'распродать': «Не долго постоял с возом, все картошь размытарил» [СРНГ 34: 31], пск. *смытарить* 'упразднить, разрушить': «Лошадь надо продавать и хозяйство смытарить» [СРНГ 39: 77].

Наконец, в гнезде диал. *мытар-* получают развитие различные негативно-оценочные смыслы. В говорах *мытарем* называется хитрый, нечестный человек, обманщик, ср. карел. «Васька у нас такой мытарь, ну хитрюга по-нашему» [СРГК 3: 279], арх. «Мытарь всё исподтишка делает» [КСГРС], новг. «Мытарём зовут, кто хитрит» [НОС: 577], вят. «Нашли какого-то мытаря, дак ухлопал он все документы, мытарь экий» [ОСВГ 6: 110], морд. «Ну и мытэри вы с Васнёй, капейку нильзя доверить» [СРГМ 1: 550], оренб. «У нас один казак был мытарем, жульством занимался» [Малеча 2: 459], «Мытарь – вилючий, хитрый человек: то тебе скажет, друго про тебя скажет» [СРГА 3/1: 103]. Это слово образует производные, называющиеся как обманщиков, так и обманные действия: *мытарник* новг. 'лживый, неискренний человек': «Мытарник он, врёт всё» [НОС: 577], *мытарка* пск., вят. 'хитрая женщина': «Ана така хороша, ни мытарка, прямой чилавек, ничиво не мытарит» (пск.) [ОСВГ 6: 109; ПОС 19: 134], *мытарить* арх., влг., новг., яросл., морд., ср.-урал. 'плутовать, обманывать': «Против меня не мытарь; это вам нужно, так и скажи» (влг.), «С тобой играть-то неинтересно, потому что ты всегда мытаришь, а мы ведь честно играть договаривались» (новг.), «Мытарить-ть ана умет, любовь пръвидёт» (морд.) [ДСРГСУ: 313; НОС: 577; СРГК 3: 279; СРГМ 1: 550; ЯОС 6: 71].

Для традиционного социума важной характеристикой человека является его отношение к труду. Негативный потенциал семантики гнезда вырабатывает зону значений, принадлежащих только диалектной лексике, связанных с ленью и бездельем: вят., пск., алт. *мытарь* 'лодырь, ленивый человек или животное' [ОСВГ 6: 110; СРГА 3/1: 103; ПОС 19: 134], пск. *мытарить* / *мутарить* 'отлынивать от работы': «Только мытарит: напещца, наестицца, а работать не хоче» [ПОС 19: 133], пск., твер. *мытарничать* 'бегать

от дела' [ДО: 120], новг. *мытарить* 'бездельничать, уклоняться от работы' [НОС: 577]. Соединение в одном словообразовательном гнезде семантики обмана и лени – нередкий случай, пример типичной логики семантического развития языковой системы (единицы, реализующие модель 'бездельничать' + 'обманывать', 'лентяй' + 'обманщик', см.: [Еремина 2003]).

Отметим также случаи обобщенной негативной оценки: *мытарный* твер. 'негодный, непрочный' [Опыт: 118], орл. 'плохой' [СРНГ 19: 64].

2.2. Взаимодействие слов с основой *мытар-* с другими лексемами

• контаминация с продолжениями *motъ, *motati

Ряд слов с формантами *-ар* и *-ыр*, в составе которых можно выделить корень *мот-*, являются семантически аналогичными словам с основой *мытар-* (в разных значениях): влг. *мотарь* 'мошеник, плут': «Вот вчера обсчитала на рубль тридцать продавщица-то, я разругалась с ней, говорю: «Шкварь негодная, мотарь»» [СВГ 5: 6], омск. *мотарить* 'заставлять работать': «А меня везде мотарили в колхозе» [СРГС 2: 297], перм. *мотарить* 'жить с трудом, маяться': «Мужа на войне убили, я одна мотарила, робят растила» [СПГ 1: 526], перм. *мотарить* 'тратить деньги попусту, без надобности; мотать' [СРНГ 18: 295], перм. *мотырить* 'то же' [там же: 307], пск., твер. *мотыриться* 'издеваться над кем-л.' [ДО: 118].

Названные лексемы *мотырить* и *мотыриться* авторы ЭССЯ характеризуют вместе с диал. *мотыра* 'егоза, непоседа' и диал. *мотырь* 'шест, кол, служащий для ряда хозяйственных нужд' как производные *motъ, *motati [ЭССЯ 20: 88]. Ряд фактов, тем не менее, позволяет констатировать влияние на эти два глагола и перечисленные в предыдущем абзаце слова основы *мытар-* – скудость представленного в ЭССЯ гнезда, отсутствие в нем инославянских единиц (в нем присутствует только четыре русских диалектных лексемы) и его семантическую неоднородность; наличие для всех предполагаемых контаминантов семантических дублетов в гнезде *мытар-*; возможность подобной мены гласных в диалектных словах (скажем, шест, упоминаемый выше, может именоваться *мотырь*, *мытарь* [СРНГ 19: 64], *мўторь* [там же: 32]).

• контаминация с продолжениями *motъ, *motiti

Несколько глаголов с корнем *мут-* и формантами *-ар*, *-ор*, *-ыр* связаны с семантикой мучений, тяжелой работы, скитаний: влг. *мутариться* 'мучиться' [Герд 2004: 234], прикам. *муторить*, *муториться* 'мучиться, работать': «Я боле тридцати годов на ферме муторилася» [СРГЮП 2:

114], смол. *муты́рить* ‘работать долго и изнурительно’: «Мутыриш на етым поли день и ночь», смол. *муты́риться* ‘мучиться, блудить, испытывать мытарства’: «Раз ён в лису три дни мутырился. Куда ни пайдёт, усе лес» [ССГ 6: 120], ср. также олон. *мутáрсливый* ‘связанный с мытарствами, муками’: «Хоть не дальняя дорожка – безызвестная. Не лесные перелески – мутарсливые» (фольк.) [СРНГ 18: 367].

В качестве наиболее убедительной версии происхождения рус. диал. *мутóрить* ‘сбивать с толку; волновать; тошнить’, *мутáрить* ‘подстрекать’ и некоторых других лексем в ЭССЯ реконструируется форма **mutoriti*, родственная **mōtiti* [ЭССЯ 20: 202] (к этому же гнезду относится литер. *муторный*). А. С. Герд в «Материалах для этимологического словаря севернорусских говоров» добавляет сюда же и влг. *мутáриться* ‘мучаться’ [Герд 2004: 234]. На мысль об участии глагола *мытарить* в образовании лексем, формально соответствующих приведенным в ЭССЯ, наводит их особая «мученическая» семантика.

Как было показано в предыдущем разделе, некоторые диалектные глаголы (пск. *мы́тарить* и *мутáрить*, пск. *мы́тариться* и *мутáриться*) в семантическом отношении являются тождественными, несмотря на свою многозначность.

•взаимодействие *мыт-* и *мытар-*

Слова-дериваты *мыта* в значении ‘пошлина’, образованные на русской почве, могут испытывать влияние со стороны семантики слов с основой *мытар-*. В говорах они могут развивать значения, не фиксируемые в исторических словарях и несвойственные литературному языку, или сразу возникать в рамках гнезда *мыт-* под воздействием «мытарских» смыслов: оренб. *мыт* ‘непорядок, мытарства, козни’, оренб. *мытница* ‘мытарства, маята’ [Малеча 2: 459], карел. *мы́та́ться* ‘издеваться над кем-н.’: «Муж-то пьяница, до смерти мытался над ней» [СРГК 3: 279], забайк. *промы́тить* ‘прожить, пробыть в течение какого-л. времени в качестве кого-л.’: «В работниках пришлось мне все молодые лета промытить» [СРНГ 32: 193], *мы́та́ться* ‘жить с трудом, маяться’ «Тяжко мне приходится без пенсии, так и мытаюсь всё» [СПГ 1: 533] (ср. в ЭССЯ замечание о том, что рус. диал. *мы́та́ться* ‘издеваться’ можно интерпретировать как производное от *мыта*, но при этом нельзя исключать возможность вторичного образования этой формы под влиянием диал. *мытариться* [ЭССЯ 21: 75]).

К участию в семантическом взаимодействии может подключаться еще один актант – глагол *мыть*. Семантика физического воздействия на

объект мытья способствует развитию у этого глагола значений вроде *мыть* карел. ‘мучить, истязать’: «Отец-покойник мыл мать, оттого и померла», ленингр. ‘тяготить, расстраивать’: «Ее-то моет, что картовка не объехана» [СРГК 3: 279], которые, в свою очередь, поддерживают «мученические» смыслы у продолжений *мыта*. Можно констатировать возникновение морфосемантического поля, единицы которого с трудом поддаются однозначной интерпретации как дериваты того или другого корня, ср., к примеру, три значения оренб. *мы́тница*: ‘место, где можно посудачить’: «Люблю я улицу-мытницу», ‘женщина-сплетница’: «Агня такая мытница, она всем соседям косточки перемыла», ‘мытарства, маята’: «Жизня-то – мытница» [Малеча 2: 459]. Первые два лексико-семантических варианта, как кажется, образовались под двойным воздействием исторического *мытница* ‘мытня, место сбора пошлин’ (→ ‘многолюдное, шумное место’) и семантического потенциала глагола *мыть*, участвующего в выражениях вроде литер. *мыть косточки*, калуж., влад. *перемывать* ‘недоброжелательно обсуждать кого-л.’ [СРНГ 26: 169] и др. Последний же, очевидно, возник под влиянием семантики гнезда *мытар-*.

***

Для русского языка характерна своеобразная омонимия – столкновение лексем *мытарь* ‘сборщик податей в Иудее’ церковно-книжного языка и *мытарь* ‘сборщик пошлины в Древней Руси’ языка обиходного (используемого при устном и деловом общении). Народные говоры не были изолированы от обоих культурных пластов – и слово *мытарь* и его дериваты могли проникать в них разными путями. В частности, образ библейского мытаря мог быть знаком в народной среде благодаря самому библейскому тексту и, скорее, текстам-адаптациям канонических произведений, бытующим в устной традиции (ср. его «память» в народном календаре, сохраняемая вслед за церковным календарем: пск. *мытарева неделя* ‘десятое воскресенье перед Пасхой и следующая за ним неделя’ [ПОС 19: 133]), представление о мытарствах души – из сказаний о житиях святых и произведений лубочной культуры. Посредствующим звеном выступала просторечная среда, в которой активно разрабатывались денежные и обманные смыслы единиц изучаемого гнезда.

В говорах «мытарные» слова вступили в контактирование с несколькими фонетически близкими единицами (дериватами корней *мот-*, *мут-*, *мыт-*) и родственными лексемами, образованными от *мыто* ‘пошлина’, тем самым значительно расширив свое семантическое поле и сформировав отдельное морфосемантическое поле, еди-

ницы которого нельзя рассматривать в изоляции друг от друга.

Широте семантики «мытарных» слов способствовал и негативный смысловой заряд, присутствующий лексеме *мытарь* в библейской традиции, притягивающий самые разные отрицательные характеристики явлений с тем, чтобы участвовать в их обозначении. При этом любопытно, что современный литературный язык оказался способен «забыть» об отрицательных коннотациях *мытаря* и допускает его нейтральное употребление в значении «работник налоговой службы».

Примечания

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 16-18-02075 «Русский социум в зеркале лексической семантики»).

² О фиксации слова *мытарь* в памятниках старославянской письменности, а также об отношениях синонимии со словами *мытник*, *мздоимец* см.: [Львов 1966: 178–179].

³ Указание на формальную вариацию основы, свидетельствующее об активных контаминационных процессах в гнезде, перенесено сюда из псковского словаря без изменений.

⁴ Возможно, на появление этой лексемы оказали влияние упоминаемые в Евангелии сведения о том, что апостол Матфей до встречи с Иисусом Христом был мытарем, которые могли быть почерпнуты, в частности, из сборников житий святых.

Список источников

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи (с эпицентром акающих говоров). Рукопись.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М.: Товарищество М. О. Вольф, 1903–1909. Т. 1–4.

ДО – Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1858. 330 с.

ДСРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / под ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1996. 580 с.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь (с внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) / Г. Дьяченко. М.: Тип. Вильде, 1899. 1120 с.

Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. М.: Дрофа; Русский язык, 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 16.08.2016).

КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков: в 4 т. Оренбург: Оренб. кн. изд-во, 2002–2003.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.08.2016).

НОС – Новгородский областной словарь / изд. подг. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2010.

Опыт – Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / ред. А. Х. Востоков. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1852. 275 с.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров / под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров: Коннектика; Изд-во ВятГГУ; Радуга-ПРЕСС, 1996–. Вып. 1–.

ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л.; СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1967–. Вып. 1–.

САР – Словарь Академии Российской 1789–1794: в 6 т. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

СВГ – Словарь вологодских говоров: в 12 т. / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда: Изд-во ВГПИ/ВГПУ, 1983–2007.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М.: Наука, 1975–. Вып. 1–.

СлРЯ XVIII в. – Словарь русского языка XVIII века / ред. С. Г. Бархударов. Л.; СПб.: Наука, 1984–. Вып. 1–.

СПГ – Словарь пермских говоров: в 2 вып. / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь: Кн. мир, 1999–2002.

СРГА – Словарь русских говоров Алтая: в 4 т. / под ред. И. А. Воробьевой, А. И. Иванова. Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 1993–1997.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6 т. / гл. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994–2005.

СРГМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: в 2 ч. / Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб.: Наука, 2013. Ч. I. С. 1–672. Ч. II. С. 673–1560.

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины. Одесса, 2000. Т. 1–2.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.

СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. Свердловск: Ср.-Урал. кн. изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1964–1987.

СРГЮП – Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В. Словарь русских говоров Южного Прикамья:

в 3 вып. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2010–2012.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: в 3 т. СПб.: Тип. Импер. Академии наук, 1893–1912.

СРНГ – *Словарь русских народных говоров* / гл. ред. Ф. П. Филин (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетов (вып. 23–42), С. А. Мызников (вып. 43–). М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–. Вып. 1–.

СРСГСП – *Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья*: в 3 ч. / под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1992–1993.

ССГ – *Словарь смоленских говоров*: в 11 вып. / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. Смоленск: СГПИ / СГПУ, 1974–2005.

ССРЛЯ – *Словарь современного русского литературного языка*: в 17 т. / под ред. А. А. Шахматова. М.; Л.: Наука, 1948–1965.

ССЯ – *Словарь старославянского языка*: в 4 т. [Репринтное издание]. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006.

Цейтлин 1994 – *Старославянский словарь* (по рукописям X–XI веков) / под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994. 842 с.

Шведова 2007 – *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2007. 1175 с.

ЯОС – *Ярославский областной словарь*: в 10 вып. / науч. ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991.

Список литературы

Герд А. С. Материалы для этимологического словаря севернорусских говоров (И, К, Л, М) // *Севернорусские говоры* / отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. Вып. 8 286 с.

Еремина М. А. Лексико-семантическое поле «Отношение человека к труду» в русских народных говорах: этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003. 251 с.

Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М.: Наука, 1966. 321 с.

Родионова И. В. Имена библейско-христианской традиции в русских народных говорах: дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000. 250 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1964–1973.

ЭСРЯ – *Этимологический словарь русского языка* / под ред. и рук. Н. М. Шанского, А. Ф. Журавлева. М.: Изд-во МГУ, 1963–. Т. 1–.

ЭССЯ – *Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд* / под ред. О. Н. Трубачева (вып. 1–31), А. Ф. Журавлева (вып. 32–). М.: Наука, 1974–. Вып. 1–.

ESJS – *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Brno; Praha: Academia; Tribun EU, 1989–. Seš. 1–.

Orel V. E. *Russian Etymological Dictionary*: in 3 vols. Calgary: Octavia, 2007–2008.

References

Gerd A. S. *Materialy dlja etimologičeskogo slovarja severnorusskikh govorov (I, K, L, M)* [Materials for the etymological dictionary of the Northern Russian dialects]. *Severnorusskie govory* [Northern Russian Dialects]. Ed. by A. S. Gerd. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2004. Vol. 8. 286 p.

Eremina M. A. *Leksiko-semantičeskoe pole “Otnošenje čeloveka k trudu” v russkikh narodnykh govorakh: etnolingvističeskij aspekt*. Diss. kand. fil. nauk [The lexical-semantic field of “the person’s attitude to work” in Russian folk dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2003. 251 p.

L’vov A. S. *Očerki po leksike pamjatnikov staroslavjanskoi pis’mennosti* [Notes on the vocabulary of Old Slavic manuscripts]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 321 p.

Rodionova I. V. *Imena biblejsko-khristianskoj tradicii v russkikh narodnykh govorakh*. Diss. kand. fil. nauk [Names of biblical and Christian tradition in Russian folk dialects. Cand. philol. sci. diss.]. Ekaterinburg, 2000. 250 p. *ESRJa – Etimologičeskij slovar’ russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskij, A. F. Zhuravlev. Moscow, Moscow State University Publ., 1963. Vol. 1.

Fasmer M. *Etimologičeskij slovar’ russkogo jazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Progress Publ., 1964–1973. Vol. 1–4.

ESRJa – Etimologičeskij slovar’ russkogo jazyka [Etymological dictionary of the Russian language]. Ed. by N. M. Shanskij, A. F. Zhuravlev. Moscow, Moscow State University Publ., 1963. Vol. 1.

ESSJa – Etimologičeskij slovar’ slavjanskikh jazykov: praslavjanskij leksičeskij fond [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical stock]. Ed. by O. N. Trubachev, A. F. Zhuravlev. Moscow, Nauka Publ., 1974. Vol. 1.

ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského [Etymological dictionary of Old Church Slavonic]. Brno; Prague: Academia; Tribun EU, 1989. Vol. 1.

Orel V. E. *Russian Etymological Dictionary*. In 3 vols. Calgary, Octavia, 2007–2008.

**THE RUSSIAN MYTAR (“TAX COLLECTOR”): ON THE DEVELOPMENT
OF THE SEMANTICS OF THE WORD AND ITS SYSTEM RELATIONS
IN VARIOUS FORMS OF THE LANGUAGE EXISTENCE**

Valeriya S. Kuchko

Postgraduate Student, Lab Assistant in the Toponymic Laboratory
of the Department of Russian Language and General Linguistics
Ural Federal University

Researcher

Russian State Vocational Pedagogical University

The article focuses on the semantics of the word *mytar* (“tax collector in Ancient Judea, tollman in Ancient Rus”) and its semantic and word formation derivatives. The history of the word semantics is traced in the Russian literary language, which inherited it from Old Church Slavic. Based on a contextual analysis of the lexeme *mytar*, the author reveals its latest meaning “tax officer”, which is almost devoid of negative connotations and does not occur in modern lexicographic sources. A variety of meanings of the words with the stem *mytar-* developed in Russian regional dialects are considered. An attempt to identify the logic of semantic development inside the word family is made. Formal and semantic relationships of words having the stem *mytar-* with other lexemes in Russian dialects, in particular with derivatives of the roots *mot-*, *mut-*, *myt-* and derivatives of the word *myto* (“toll”), are found out. The conclusion is made about the formation of the morphological and semantic field within which it is difficult to establish the origin of a particular linguistic unit from a particular root.

Key words: Russian dialect lexicology; historical lexicology; semantics; contamination; word family; morphological and semantic field.